

Протоиерей Носко Михаил, кандидат богословия, настоятель Александро-Невского храма г. Пружаны, благочинный церквей Пружанского округа
Nosko Mikhail, candidate of theology, hegumen, Alexander Nevsky Church, Pruzhany; dean of churches, Pruzhany district.

**ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСИЙ РУСЕЦКИЙ (1871–1945):
ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ
ARCHPRIEST ALEXY RUSETSKY (1871-1945): LIFE AND
MINISTRY**

Статья посвящена изучению биографии митрофорного протоиерея Алексея Русецкого, которого можно отнести к числу легендарных пастырей Православной Церкви первой половины XIX века. Соединив в своей жизни приходское служение на белорусской земле в мирное время, а также пастырское служение на полях сражений в годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны, он явился свидетелем и активным участником многих событий того времени. Оставил священник заметный след в истории Православия на брестской земле и, особенно, в жизни Свято-Александро-Невских храмов г. Пружаны и г. Кобрин в межвоенное время, проявив себя как ревностный священнослужитель и активный защитник Православия от проводимой государственными властями Второй Речи Посполитой колонизации белорусского края, за что подвергался гонениям.

The article is devoted to the study of the biography of the mitered archpriest Alexy Rusetsky, who can be classified as one of the legendary pastors of the Orthodox Church in the first half of the 19th century. Having combined in his life the parish ministry on Belarusian land in peacetime, as well as pastoral ministry on the battlefields during the World War I and the subsequent Civil War, he was a witness and an active participant in many events of that time. The priest left a noticeable mark in the history of Orthodoxy in the Brest land and, especially, in the life of the St. Alexander Nevsky churches in the cities of Pruzhany and the city of Kobrin in the interwar period, showing himself as a zealous clergyman and an active defender of Orthodoxy from the Polonization of Belarusian region carried out by the state authorities of the Second Rzeczpospolita, for which he was persecuted.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Первая мировая война, Гражданская война, военное духовенство, православный приход, Полесская епархия.

Key words: Russian Orthodox Church, World War I, Civil War, military clergy, Orthodox parish, Polesye eparchy.

Протоиерей Алексей Антонович Русецкий родился 17 марта 1871 г. (по ст. ст.) в с. Мокраны Лунинецкого уезда Минской губернии в семье православного священника. Первоначальное образование он получил в Слуцком пятиклассном духовном училище, а затем в Минской духовной семинарии, после окончания кото-

рой в течение четырех месяцев исполнял обязанности псаломщика в с. Бучатине Слуцкого уезда. В 1897 г. Алексей Русецкий сочетался браком с Анной Когачевской, а 25 июля 1897 г. его рукоположили в сан священника и назначили настоятелем Старчицкого храма Слуцкого уезда [3, л. 3].

6 мая 1905 г. священник Алексей Русецкий был переведен в с. Еремичи Новогрудского уезда (в настоящее время в составе Кореличского района Гродненской области), где в большей мере раскрылись его выдающиеся способности. В этом небольшом селении ему удалось организовать отдел Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня, насчитывавшего более 150 членов. О масштабах приходской деятельности пастыря красноречиво говорили достигнутые результаты. Так, подводя итог работы, он отмечал в своем выступлении 8 февраля 1911 г. на съезде братства в г. Минске, что за прошедший год состоялось 75 религиозно-нравственных бесед, на которых присутствовало в общей сложности 30 000 человек, что в среднем составляло 400 человек на каждой беседе. Отдел братства построил новую школу, на которую собрали 6 000 рублей, а также были собраны 1036 рублей на другую церковно-приходскую школу [4, с. 51–52].

С началом Первой мировой войны отец Алексей был мобилизован на Западный фронт и назначен полковым священником 8-го Сибирского казачьего полка, где состоял в должности с 15 марта 1915 г. по 23 февраля 1918 г., а 20 марта 1916 г. стал благочинным 2-ой бригады Сибирской казачьей дивизии. В боях под г. Праснышем на территории Польши был ранен [7, с. 96]. О воинских заслугах пастыря свидетельствовали полученные на фронте боевые награды: ордена св. Анны 2-й ст. (с мечами), 3-й ст. (с мечами и бантом) и св. Владимира 3-й ст. (с мечами), 4-й ст. (с мечами и бантом) [4, с. 77].

После Октябрьского переворота отец Алексей вместе со своим полком был передислоцирован из Западного фронта в Сибирь и оказался в г. Петропавловске Омской губернии, захваченном большевиками. Он, являясь убежденным монархистом, не принял новой власти и включился в активную борьбу, став одним из инициаторов создания полулегального «Союза православных братчиков и сестриц». Официально Союз являлся просветительной и благотворительной организацией, которая собирала пожертвования для помощи раненым и заключенным. Трудом Русецкого было открыто 83 отделения Союза и собрано 23 000 рублей [7, с. 98–99].

В целом же «Союз православных братчиков и сестриц» вел работу по устранению советской власти. С этой целью отец Алексей совершал опасные для жизни миссионерские поездки по Омской епархии и убедительностью своего слова сумел поднять воинский дух казаков. Полковник П. П. Иванов-Ринов, бывший командир 8-го Сибирского казачьего полка, возглавил восстание, благодаря чему удалось изгнать из г. Петропавловска большевиков. В июне 1918 г. он создал в г. Омске 2-й Сибирский Степной корпус. На должность благочинного 25 июня был назначен священник Алексей Русецкий. После освобождения г. Тюмени и г. Екатеринбурга на базе Степного корпуса была создана Сибирская армия, которую возглавил возведенный в чин генерал-майора П. П. Иванов-Ринов. Отец Алексей стал Главным священником Сибирской армии, пребывая в этой должности с 31 августа 1918 г. по 25 ию-

ня 1919 г. [4, с. 55–56].

В то же время 18 ноября 1918 г. в г. Омске адмирал А.В. Колчак сверг власть эсеровской Директории и объявил себя Верховным правителем России. От лица военного духовенства священник Алексей Русецкий приветствовал Верховного главнокомандующего. Сибирская армия была реорганизована, однако отец Алексей сохранил свою должность Главного священника. 30 декабря 1918 г. Высшим временным церковным управлением он был удостоен сана протоиерея и награжден крестом с украшениями на Георгиевской ленте [7, с. 102–103].

22 июля 1919 г. приказом Верховного правителя Сибирскую армию разделили на две армии, которые вместе с Западной армией составили Восточный фронт. Протоиерей Алексей Русецкий занял должность Главного священника Восточного фронта и исполнял возложенные обязанности до 15 марта 1920 г. В его подчинении состояло около 2 000 церковно- и священнослужителей. К тому же он явился одним из участников создания добровольческих формирований «Дружин Святого Креста» для защиты православной веры [4, с. 63–64].

Осенью 1919 г. Восточный фронт был разгромлен Красной армией. Причиной поражения послужило предательство чешских войск, которые за золото выдали адмирала А. В. Колчака большевикам. Остатками Белой армии в условиях суровой сибирской зимы от г. Барнаула и г. Новониколаевска до г. Читы был совершен беспримерный и героический 2000-километровый переход, получивший название «Великий Сибирский поход» с неофициальным прибавлением «Ледяной» [4, с. 65]. Протоиерей Алексей Русецкий принял участие в этом знаменитом походе, за что был награжден знаком отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й степени за № 153 [3, л. 4].

Перед своей гибелью адмирал А. В. Колчак назначил казачьего атамана Г. М. Семенова главнокомандующим армии Восточной Сибири, который в январе 1920 г. в г. Чите учредил правительство Восточной окраины. В новых условиях протоиерей Алексей Русецкий сохранил свою должность, являясь с 15 марта 1920 г. по 1 июля 1921 г. Главным священником войск Российской восточной окраины [4, с. 66].

Первоначально японцы оказывали поддержку атаману Г. М. Семенову, а после заключения 17 июля 1920 г. Гонготского соглашения с большевиками вывели свои войска из Забайкалья. После ухода союзников, противостоять Советской России было невозможно, поэтому началась эвакуация белогвардейских войск в Китай. Отец Алексей переехал в г. Харбин. Обосновавшись в центре Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) г. Харбине, где жило много русских эмигрантов, он стал работать законоучителем (преподавателем Закона Божия) в семилетней русской торговой школе и с прежней энергией включился в церковную и общественную жизнь. По его инициативе 21 сентября 1921 г. состоялось собрание русских эмигрантов, на котором был организован беженский приход и создан комитет по строительству Покровской церкви [7, с. 110–111].

Около пяти лет прошло с тех пор, когда отец Алексей, взяв с собой жену и оставив на попечение своим родственникам трех дочерей, отправился в далекую Сибирь. За эти годы село Еремичи и другие родные места Западной Белоруссии, согласно советско-польскому мирному договору, заключенному 18 марта 1921 г. в г. Риге, отошли к Польскому государству – Второй Речи Посполитой. Устав

от скитаний на чужбине и переживая за детей, супруги Русецкие решили вернуться на Родину.

В июле 1922 г. протоиерей Алексей Русецкий официально демобилизовался из армии и вместе со своей матушкой в конце лета покинул Китай и отправился в Европу. 8 сентября 1922 г. Русецкие прибыли в г. Триест (Италия). Затем они вынуждены были на некоторое время переехать в Югославию – Королевство сербов, хорватов и словенцев, где проживало много переселенцев из России. В г. Новый Сад Русецкий выступал перед эмигрантами с лекциями, в которых рассказывал о белом движении в Сибири [7, с. 111–112].

19 мая 1923 г. протоиерей Алексей Русецкий написал прошение на имя епископа Пинского и Новогрудского Пантелеимона (Рожновского) с просьбой о назначении на какой-нибудь приход во вверенной ему епархии и ходатайстве на получение визы на въезд в Польшу [3, л. 1]. Однако епископ Пантелеимон (Рожновский) к тому времени польскими властями был отстранен от архиерейской кафедры, поэтому возвращение домой и назначение его на приходское служение зависело от нового управляющего епархией епископа Александра (Иноземцева), который откликнулся на просьбу. В результате супруги Русецкие прибыли в Польшу, где наконец-то встретились со своими двумя дочерьми: Ксенией – 20 лет и Галиной – 18 лет, которые с этого времени стали жить с родителями. Третья дочь, девятнадцатилетняя Лидия, вместе со своим мужем проживала в г. Минске, находившемся на территории СССР [7, с. 112–113].

23 мая 1923 г. протоиерея Алексея Русецкого назначили настоятелем Ястрембельской Никольской церкви Барановичского повета. В то время в г. Пружаны обострились отношения государственной польской власти к православному духовенству. Для урегулирования ситуации 6 августа 1923 г. протоиерея Алексея Русецкого перевели в г. Пружаны настоятелем Александро-Невского собора. А после отстранения польскими властями в конце декабря 1923 г. протоиерея Константина Пилинкевича от обязанностей благочинного, он стал благочинным 1-го округа Пружанского повета и в этом качестве был участником необычного события, произошедшего в пределах вверенного ему прихода [3, л. 9].

12 января 1924 г. в д. Городняны Пружанского повета в доме местного жителя П. К. Бунаты чудесным образом обновилась Иверская икона Божией Матери. Отец Алексей провел тщательное расследование, опросив 10 свидетелей произошедшего чуда, среди которых были и католики, и записал их показания в присутствии комиссии. Впоследствии им также были документально оформлены факты исцелений от Городнянской иконы. Затем, получив благословение епископа Полесского и Пинского Александра (Иноземцева) и добившись разрешения местной власти, отец Алексей организовал торжественное перенесение обновленной иконы из д. Городняны в Александро-Невский собор г. Пружаны. При этом он сумел провести его с большим размахом и торжественностью, на высоком духовном, молитвенном уровне. Это мероприятие привлекло множество народа, что позволило ему стать значимым событием в жизни не только Пружанского благочиния, но и всей Полесской епархии. В своем докладе правящему архиерею пастырь отмечал: «Богомольцев было так много, что весь город был переполнен верующими людьми с разных мест. Картина была неопишная, момент – редко переживаемый...» [2, л. 2, 2 об.,

3, 3 об., 12, 12 об., 13, 13 об.].

Энергичная деятельность священника обратила пристальное внимание и вызвала недовольство со стороны польских властей. Уже с первых дней после назначения в г. Пружаны он встретил самое неприязненное отношение к себе со стороны поветовой администрации и, в первую очередь, Пружанского старосты, которое в начале выражалось в мелочных придирках и интригах. Поводом к серьезному столкновению с властями послужил жилищный вопрос. Александр-Невский соборный приход имел в центре города рядом с храмом собственные дома, построенные еще в дореволюционные времена, с тремя квартирами: для диакона, псаломщика и церковного сторожа. Местные власти захватили большую часть жилья. В квартире псаломщика они поселили чиновника Пружанского староства М. Бискупского, а в квартире диакона открыли ветеринарную амбулаторию. При этом амбулатория с изолятором для заразных животных размещалась под одной крышей с квартирой, в которой жила семья церковного сторожа и находилась за алтарем храма на расстоянии 25–30 метров, поэтому запахи и звуки, издаваемые больными животными, разносились по церковному погосту. Расположение ветлечебницы рядом с Александро-Невским храмом православные люди расценили как оскорбление христианской святыни. К тому же, разместив среди жилых домов в центре города изолятор с заразными животными, власти нарушили санитарные нормы [3, л. 12].

Ситуация обострилась в конце 1923 г. После ареста накануне храмового праздника диакона Кирдана, на его место 29 ноября епархиальной властью был назначен диакон Филипп Рубан. Приезд в г. Пружаны семейного священнослужителя, нуждавшегося в жилье, поставил протоиерея Алексея Русецкого как настоятеля в затруднительное положение. Отца диакона пришлось временно поселить в квартире, где проживал церковный сторож со своей семьей, в проходной холодной комнате, за стенкой которой находилась ветлечебница с изолятором. Несмотря на многочисленные просьбы освободить церковные помещения, и Пружанское староство, и М. Бискупский отвечали полным нежеланием решать проблему. Отец Алексей Русецкий стал действовать официально. 15 мая 1924 г. от имени соборного причта он направил письмо на имя Поветового сеймика и пана Бискупского с просьбой освободить квартиры до 1 июля текущего года. Заявление было мотивировано крайней необходимостью их для нужд причта, а в отношении ветлечебницы указывалось на нарушение санитарных норм. Прошло больше месяца, а на отправленную бумагу не последовало никакого ответа. Тогда протоиерей Алексей Русецкий 24 июня 1924 г. отправился в Поветовый сеймик «за выяснением злополучного квартирного вопроса» [3, л. 12]. Не добившись положительных результатов, отец Алексей покинул сеймик, заявив, что судебным порядком будет отстаивать свои права [3, л. 22 об. – 23].

Польские чиновники решили отомстить православному священнику. Как результат, на следующий день отец Алексей получил оскорбительную повестку, в которой предписывалось явиться в Пружанское староство в строго назначенное время, в противном случае он будет доставлен принудительным способом с помощью полиции [3, л. 14].

Ровно в 2 часа дня 25 июня протоиерей Алексей Русецкий вошел в кабинет Пружанского старосты Е. Носля, который при его появлении схватился со сво-

его места и в «диком исступлении» начал кричать, обвиняя священника в нежелании выполнять распоряжения староства. «На мое замечание, – докладывал впоследствии отец Алексей правящему архиерею, – какое право имеет он, г. староста, так кричать на меня, последний с поднятыми кулаками и криком «Вон!» бросился на меня. Я поспешно удалился из кабинета старосты, боясь получить оскорбление действием». По возвращении домой отцом Алексием была составлена письменная жалоба министру внутренних дел Польши для привлечения Пружанского старосты к ответственности, а затем рапорт от 28 июня 1924 г. на имя епископа Александра (Иноземцева). «Настоящий случай, – писал он архиерею, – есть своеобразная фабрикация гонения на православное духовенство». На притеснении православных староста делал себе карьеру, поэтому после насильственного удаления Пилинкевича он наметил новые жертвы среди духовенства: Сobotковского, Шумаковича, Крейдича, Станкевича, Вольховского – лучших священников благочиния. «Или будет энергичное вмешательство Вашего Преосвященства, или будут новые жертвы за веру со стороны лучших Ваших подчиненных пастырей», – предупреждал Русецкий правящего епископа [3, л. 12–12 об.].

В спешном порядке Пружанским старостой были собраны показания поветовых чиновников, оформленные в виде шести протоколов, и направлены в Полесское воеводство на рассмотрение. В целом бытовой конфликт приобрел политическую окраску [3, л. 22–25 об.].

Реакция воеводства не заставила себя ждать. 27 июня 1924 г. на имя епископа Александра (Иноземцева) было отправлено официальное предписание, в котором указывалось, что по причине беспрецедентного случая, связанного с поведением священника Алексея Русецкого, его необходимо безоговорочно удалить от всех занимаемых должностей и впредь никакого места в пределах воеводства не предоставлять [3, л. 20].

Конфликт между поветовым старостой и православным благочинным в г. Пружаны приобрел широкий общественный резонанс. К тому же, в руководстве Полесским воеводством произошли кардинальные изменения. В октябре 1924 г. вместо С. Довнаровича, воеводой стал К. Млодзяновский. Если предшественник отличался жесткостью и непримиримостью в своих решениях, касавшихся православного духовенства, то его преемник занял более осторожную позицию, поэтому дело Русецкого было отложено.

Протоиерей Алексей Русецкий оставался непреклонным и продолжал требовать от местной администрации возвращения церковных помещений, чем вызвал очередную волну недовольства. Полесский воевода К. Млодзяновский обратил на это внимание и своим письмом от 24 июня 1925 г. напомнил епископу Александру (Иноземцеву) о необходимости увольнения Русецкого [3, л. 19]. Отец Алексей добился аудиенции у воеводы, которая состоялась 26 июня 1925 г. В ходе беседы выяснилась вся абсурдность обвинения его в политическом выступлении против Польского государства, поэтому К. Млодзяновский отметил, что не видит политических мотивов для перевода, об этом он сообщил и в письме от 8 июля епископу Александру. Однако пан воевода лукавил: священнику он сказал, что лично против него ничего не имеет и перемещение зависит исключительно от воли епархиального архиерея, а в упомянутом выше письме от 8 июля заявил о неизбежности перевода [3, л. 26–27].

Не имея серьезных оснований для обвинения протоиерея Алексея Русецкого в политической неблагонадежности, власти решили пойти на компромисс, и 9 июля 1925 г. он был переведен в г. Кобрин на аналогичную должность настоятеля Александро-Невского собора и благочинного 1-го округа Кобринского повета [3, л. 28–29]. На новом месте служения священник стал трудиться с прежним рвением. Пострадавший в годы военного лихолетья собор нуждался в серьезном ремонте. Новому настоятелю удалось привести храм в надлежащий вид [3, л. 49 об.].

Более важная задача заключалась в православном просвещении местного населения, зараженного безбожием и сектантством. Протоиерей Алексей Русецкий вступил в борьбу за спасение человеческих душ, главными средствами которой избрал молитву и проповедь. В сослужении диакона Иоанна Кирдана и псаломщика Г. Габрушука он совершал торжественные богослужения в Александро-Невском соборе. За довольно короткий срок он сумел объединить паству, в результате храм во время богослужений был переполнен молящимися [3 л. 49 об., 57].

В октябре 1927 г. протоиереем Алексием Русецким был организован крестный ход с чудотворной Иверской иконой Божией Матери, обновившейся ранее в д. Городняны, из Александро-Невского собора г. Пружаны в Кобринский собор. Принимавший участие в крестном ходе на всем его протяжении пастырь использовал всякий удобный случай для духовно-нравственных поучений [1, л. 1–2].

Энергичная деятельность протоиерея Алексея Русецкого очень сильно обеспокоила врагов Православной церкви и, как результат, вначале по городу поползли упорные слухи, что его сместят с должности благочинного и настоятеля собора. Священник старался не придавать значения этим разговорам. Вскоре Полесской духовной консисторией было получено письмо из министерства исповеданий Польской Республики, в котором содержалось указание об освобождении протоиерея Алексея Русецкого от обязанностей благочинного 1-го округа Кобринского повета. В результате 21 октября 1927 г. он был отстранен от занимаемой должности [3, л. 69]. На этом испытания не закончились...

Крестьянин д. Андроново Кобринского повета Е. Ничипорук, уличенный отцом Алексием в воровстве, обвинил священника в том, что он якобы избил его [3, л. 46–46 об.]. 17 ноября 1927 г. состоялось судебное заседание. Пастыря в этот день срочно вызвали к умиравшему человеку, поэтому он опоздал на суд. В результате священника заочно признали виновным. Как следствие, 25 ноября последовала резолюция правящего епископа о перемещении его в д. Ворониловичи Коссовского уезда (в настоящее время в составе Пружанского района) [3, л. 30].

Так, в результате тонко сплетенной интриги, был устранен от ключевых церковных должностей и фактически сослан в глушь деятельный и талантливый пастырь. Прихожане энергично выступили в защиту своего священника и 4 декабря 1927 г. составили коллективное прошение, под которым поставили свои подписи несколько сот человек [3, л. 49-50 об.]. На повторном судебном заседании 6 декабря Е. Ничипорук отказался от своих претензий к священнику Алексею Русецкому и следственное дело было навсегда прекращено [3, л. 60–61]. Мощная поддержка прихожан и прекращение судебного дела сыграли свою роль, и 10 декабря 1927 г. Полесская консистория уведомила протоиерея Алексея

Русецкого, что он освобожден от перемещения в д. Ворониловичи и прикомандирован к Кобринскому Александро-Невскому собору сверхштата [3, л. 63]. В прежней должности его так и не восстановили.

В следующем году, 1 декабря 1928 г., протоиерея Алексия Русецкого назначили настоятелем Петро-Павловской церкви г. Кобрина. Деятельный по натуре, не сломленный человеческой подлостью, он включился в приходскую жизнь и уже через три дня – 4 декабря, при Свято-Петро-Павловском храме организовал кружок благочестивых женщин и братство Святого Креста, заняв, как настоятель, должность председателя братства.

Через полгода, когда братство окрепло, протоиерей Алексей Русецкий приступил к изданию духовно-просветительной литературы. В своем докладе от 6 августа 1929 г. архиепископу Александру (Иноземцеву) он предлагал издать в тысячах экземплярах две листовки «Есть ли Бог» и «Великий грех», тексты которых сам составил, а также стихи В. Ф. Клишевича «Выбор веры», «Баптисты» и «Пьянство» [7, с. 120].

В своей пастырской деятельности отец Алексей старался поддерживать талантливых людей, используя их дарования на благо Церкви. Так, в период служения в Пружанах, он ценил за музыкальный талант псаломщика Г. Р. Ширму, который впоследствии стал видным деятелем белорусской культуры, композитором и собирателем народных песен. В Кобринском Свято-Петро-Павловском приходе пастырь обратил внимание на В. Ф. Клишевича, имевшего поэтические способности.

Последним крупным мероприятием, организованным отцом Алексием Русецким в Свято-Петро-Павловском приходе, был крестный ход из г. Кобрина в Яблочинский монастырь (в настоящее время находится на территории Польши) ко дню преподобного Онуфрия Великого с 21 по 24 июня 1931 г., который возглавлял на всем его протяжении.

В 1931 г. протоиерей Алексей Русецкий перешел на служение в Гродненскую епархию и 24 октября был назначен настоятелем церкви в с. Негневичи Новогрудского повета. 28 октября 1932 г. ему за труды и заботы по постройке каменной часовни была выражена благодарность епархиального начальства. Помимо приходских трудов отец Алексей исполнял обязанности Новогрудского миссионера, за что 8 апреля 1934 г. был награжден митрой. 16 марта 1936 г. его назначили благочинным и настоятелем храма г. Скиделя, а 19 июля 1937 г. перевели настоятелем Георгиевского храма в г. Несвиж. За неполные три года на новом приходе он заслужил любовь и уважение народа, а на его проповеди приходили и католики. На месте сгоревшей в 1846 г. Преображенской церкви им был поставлен памятный крест [7, с. 120–121].

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война положила конец политическому существованию Польши. 17 сентября Красная армия двинулась в свой «Освободительный» или «Польский поход», в результате которого Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР. С установлением советской власти православное духовенство было поставлено в жесткие условия выживания [5, с. 95–97]. Приход большевиков не сулил ничего хорошего и протоиерею Алексею Русецкому. В г. Несвиже он жил один, так как семья в это время находилась в г. Варшаве, поэтому погрузил нажитое имущество в повозку и

выехал из города, для того чтобы воссоединиться со своими родными. Однако далеко он не смог уехать, так как по дороге был ограблен «освободителями». Священник вернулся в г. Несвиж только в одном подряснике и с кнутом в руках.

Новая власть конфисковала всю церковную землю, включая приусадебные участки священнослужителей. Храмы были обложены огромными налогами, за неуплату которых священникам угрожал арест и ссылка. В то же время за духовенством была установлена слежка.

Согласно донесению Несвижского райотдела НКВД, получив извещение об обложении налогом, отец Алексей 12 мая 1940 г. выступил в своем храме перед паствой со словами: «Други мои, пришла на церковь скорбь, обложили налогом в 5 000 рублей, будьте крепки в своей вере, если хотите, чтобы большевики не закрыли церкви, собирайте деньги». Через неделю, 19 мая, в д. Пахобовщине в разговоре с чекистским информатором он заявил: «Вот пришла эта зараза большевистская. Нам надо усиленно молиться, чтобы нас Бог избавил от большевиков, иначе они нас задушат, – и в заключение добавил, – наверное, нам с вами придется расстаться». Отец Алексей предчувствовал свой арест. Вскоре ему увеличили размер налога до 15 000 рублей, а затем арестовали.

В начале Великой Отечественной войны священник Алексей Русецкий оказался на свободе. В период фашистской оккупации он продолжал служение в г. Несвиже, оставаясь верным своему пастырскому долгу. Рискуя собственной жизнью, он спасал евреев, выдавая им справки о крещении. Спас от расстрела ксендза Григория (Гжегожа) Викентьевича Колосовского, который впоследствии прослужил в Несвижском костеле 52 года до самой смерти в 1991 г. [7, с.121–122].

В июле 1944 г. протоиерей Алексей Русецкий, опасаясь репрессий НКВД, ушел с отступавшими немцами. После окончания войны он служил в польском городе Плоцке, где и умер 16 декабря 1945 г. [6, с. 734].

Литература и источники:

1. Письмо протоиерея Алексея Русецкого протоиерею Константину Губареву: Указ Полесской Духовной Консistorии от 11 октября 1926 г. // Архив Александро-Невского храма г. Пружаны.
2. Дело о чудесном обновлении Иверской иконы Божией Матери в д. Городнянах Линовской волости Пружанского соборного прихода в доме волосного старшины Павла Константиновича Бунаты 30 декабря ст. ст. 1923 г. // Архив музея-усадьбы «Пружанский палацки».
3. Государственный архив Брестской области. – Ф. 2059. – Оп. 2. – Д. 491.
4. Ильин, А. Непростые и загадочные судьбы братьев Русецких и их потомков / А. Ильин, Е. Игнатюк. – Пинск, 2020.
5. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской духовной семинарии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
6. Sosna, Grzegorz. Hierarchia i kler Kościoła Prawosławnego w granicach II Rzeczypospolitej i Polski powojennej w XIX–XXI wieku / Sosna Grzegorz, Troc-Sosna Antonina. – Ryboly, 2012.
7. Шудляков, В. А. Главный священник Восточного фронта протоиерей Алексей Русецкий / В. А. Шудляков // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2018. – № 2.

Петрушко В. И., доктор церковной истории, кандидат исторических наук,